

1. Сердюк М. Б. История религии на Дальнем Востоке в исследованиях и библиографии. Владивосток, 2006. С. 138–144.
2. Абрамова К. Б. Краткий обзор документов по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви среди малых народов Дальнего Востока России в сер. XIX – нач. XX вв. // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2002. С. 145.
3. Биографический словарь миссионеров Русской православной церкви. / сост. свящ. С. Широков. М., 2004. С. 32.
4. Якутия. Хроника. Факты. События. Якутск, 2012. С. 151.
5. РГИА ДВ. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.
6. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 42. Л. 4об.
7. Там же. Д. 49. Л. 1–4.
8. Там же. Д. 12. Л. 4–4об.
9. Там же. Д. 28. Л. 1.
10. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.
11. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
12. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
13. Там же. Д. 26. Л. 8–8об., 17.
14. Там же. Д. 22.
15. Там же. Д. 39. Л. 26.
16. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 6. Л. 4об.
17. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–25об.
18. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
19. Там же. Д. 35.
20. Там же. Д. 53. Л. 29.
21. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 6. Л. 9
22. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.
23. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

Дж. М. Тронсон
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ 1855 г.
(перевод с английского Л. А. Абрамян)

Так сложилось, что в этом году мне попала в руки книга Дж. М. Тронсона «Рассказ о плавании в Японию, Камчатку, Сибирь, Тартарию и различные части побережья Китая на борту «Барракуды», с картами и зарисовками» (1) в электронном виде.

Сразу сделаю оговорку – в интернете есть несколько переведенных абзацев из этой книги, именно той части, где говорится о Камчатке, но те переводы, которые встречались мне, выполнены как будто машинным переводчиком, и не вся информация передана достоверно.

«Барракуда» – пароход британского флота, с 1854 по 1876 гг. находился в плавании по морям Тихого, Индийского и Атлантического океанов в составе эскадры адмирала сэра Дж. Стирлинга. (Дж. Стирлинг, будучи в Японии, заключил первое соглашение между Англией и Японией – Договор о дружбе от 14 октября 1854 г.).

«Китайская эскадра», под командованием сэра Дж. Стирлинга в составе флагманского корабля «Винчестер» (55 пушек), паровой шхуны «Энкаунтер» (14 пушек), парохода «Стикс» (6 пушек) и парохода «Барракуда» (6 пушек) в 1854–1855 гг. безрезультативно обследовала побережье Дальнего Востока России в поисках русского флота под командованием Путятина.

Джеймс Стирлинг выделил из состава своей эскадры два парохода, «Барракуда» и «Энкаунтер», с приказом присоединиться у Камчатки к эскадре контр-адмирала Генри Уильяма Брюса, командующего Тихоокеанской эскадрой. Утром 31 мая адмирал Брюс торжественно вошел в Авачинскую губу и приблизился к Петропавловской гавани. К удивлению нападавших, они увидели пустой город. Как Брюс писал Адмиралтейству: «я нашел место полностью эвакуированным: ни кораблей, ни оружия, ни людей, только пустые амбразуры и брошенные здания».

В эту статью включен только тот материал, который так или иначе касается Петропавловского порта, и как эскадрилья плыла к нему.

В предисловии к этой книге в 1859 г. Дж. М. Тронсон написал: «Мне выпала большая удача поплавать на фрегате “Барракуда” в 1854, 55 и 56 гг. и посетить различные части побережья Китая, Японских островов, Камчатки, побережья Сибири и Тартарии и острова Сахалин. Время от времени мне попадалось что-то, что поражало меня новизной или вызывало интерес; единственное, о чем я жалею, что не сумел отдать должное пейзажам, и поэтому я веду свои записи в повествовательной форме.

Побережья, которые я посетил, сейчас становятся более интересными для нас, с тех пор как Китай и Япония наладили торговые отношения с Британией; кроме того, владения России на р. Амур имеют лучшее расположение для ознакомления с побережьем Сибири и Тартарии, которое было необходимо для наших морских интересов. По этой причине, я верю, что информация, представленная в этой книге, будет нужной <...> .

Далее в статье представлен перевод 10-й главы, где он как раз описывает прибытие в Петропавловск и сам Петропавловский порт.

«Итак, мы получили приказ готовиться к отходу в море; запасы и боеприпасы были сложены на борту. Мы предвидели долгое плавание, поскольку предполагали, что наш пункт назначения – это российские владения: по крайней мере, нам так сообщили, но у сплетен ноги длинные и по-разному действуют на разных людей. Так, некоторые из офицеров, которые переписывались с друзьями, просили, чтобы те направляли им письма на Сандвичевы острова, так как предполагалось, что именно там мы присоединимся к тихоокеанской эскадре.

Утром 12 марта мы отплыли из Гонконга, чтобы присоединиться к винтовому пароходу «Энкаунтер» (H. M. S. Encounter) в Вусунге (Woosung); погода была туманной и барометр упал. Мы сверились с каналом прогноза погоды, и поскольку ветер был неблагоприятным, были вынуждены включить двигатель и держаться ближе к скалистому и пустынному побережью.

14 марта с северо-востока налетел шторм, который сопровождался громом и молнией. Вместе с временными затишьями он длился до ночи 17 марта, когда барометр поднялся. <...> Пароход вел себя превосходно, борясь с волнами и прокладывая себе путь.

Мы достигли Вусунга 19 марта и 25 марта с «Энкаунтером» выдвинулись на назначенную встречу у берегов Камчатки, координаты – 50° с. ш., 160° в. д.

29 марта мы прошли мимо южных японских островов. 31 марта мы заметили остров Фацидзио (Fatsizio) или Недоступный остров (Inaccessible Island) – штрафную колонию, принадлежащую Японии, в которую ссылали непокорных аристократов; его координаты 33°6' северной широты, 140° в. д. До нашего прибытия на место встречи к 14 апреля мы столкнулись с циклом штормов, холодной погодой, снегом и ледяным дождем. Во время шторма многие птицы прятались на нашем борту, среди них ласточки, буревестники; некоторые погибли, наткнувшись на мачту или корабельные снасти. <...>

Мы курсировали в разных направлениях рядом с местом встречи приблизительно месяц, наблюдая эскадры. Погода была очень холодной, штормы, штили и туманы следовали непрерывной чередой: киты и тюлени в большом количестве плыли по направлению к Охотскому морю; стая диких гусей длинной шеренгой пролетала на север очень близко над поверхностью моря. В дни затиший красивые кулики-сороки изящно садились на воду, приводя в порядок свои перья, а топорки порхали над самой поверхностью, и их маленькие крылья двигались почти как весла. Случайное китобойное судно с Сэндвичевых островов проплыло мимо нас на пути к Охотскому морю – мы подозревали их в том, возможно несправедливо, что они проинформируют русских о нашем местоположении.

Утром 12 мая, когда подул холодный бриз с побережья Камчатки, наши взоры порадовало появление французского парусного фрегата «Альцест» (Alceste), первого фрегата долго ожидаемой эскадры; красивый, он прошел близко к нашей корме, постоянно двигаясь с глухо зарифленным марселем. Он вышел из Гонолулу 18 апреля, а два дня спустя появились парусный фрегат «Президент» (H. M. S. President) с контр-адмиралом Брюсом на борту; корвет «Дайдо» (H. M. S. Dido), который плыл на север от нас в поисках приватилов (судно, предназначенное для крейсерских операций против неприятельской торговли. – *Прим. пер.*).

13 мая на горизонте появился винтовой пароход «Бриск» (H. M. S. Brisk); день был тихим и спокойным – слишком ясным для этого сезона и климата.

Ночью 14 мая налетел свирепый шторм с юго-запада <...>, солнце скрылось за тяжелыми свинцовыми облаками, и по мере того, как исчезало огненно красное светило, кромки облаков окрашивались в тусклый красный цвет. Шторм продолжался вплоть до 18 мая, когда потихоньку стал затихать. <...>

Свирепым ветром нас отнесло на 135 миль от места сбора. Шторм на море не может быть прекрасным зрелищем для человека, непривычного к морю: разум слишком взбудоражен и преувеличивает опасность; скрип древесины, вой ветра, когда он проносится сквозь корабельные снасти, голос командира, перекрикивающего шторм, хлопанье убираемых парусов – все это побуждает быть настороже; а в это время внизу – столы, бумаги, бутылки и тарелки хаотично летают, крепления столов судорожно дергаются, тарелки с супом оказываются на коленях тех, кто их и не ждал; стулья вместе с сидящими скользят к подветренной стороне, и, конечно, в такие моменты душа ни у кого не лежит запеть «Жизнь на океанской волне». Единственное, что успокаивает в шторм, – это вера в корабль и командира, а также горячая вера в высшую силу, которая управляет ветром на побережье и на море.

Моряки с большой симпатией относятся к животным: если на борту родится ягненок, он становится всеобщим любимцем; собак обучают выполнять различные трюки; кошки проявляют привязанность к своим хозяевам; но самые озорные и занимательные животные – это обезьяны. На борту они становятся любимцами всей команды из-за легкого и игривого характера. Джеко появился на корабле вместе с 43-м полком в ноябре 1853 г., пока корабль был в Британской Каффарии (юго-восточная часть Восточной Капской провинции на территории современной Южной Африки. – *Прим. пер.*) и остался на борту после того как полк высадился в Столовой Бухте (Table Bay) (бухта Атлантического океана у юго-западных берегов Африки – *Прим. пер.*). У Джеко были свои фавориты, и ему всегда платили добротой и любовью. Наше холодное плавание сказалось на его здоровье; хотя его и снабдили теплой одеждой, он зарывался в складки офицерских пальто, повизгивая от удовольствия, а его сияющие глаза и лицо показывались из теплого убежища. Погода становилась холоднее, и бедный Джеко похудел, постоянно дрожал от холода, заболел и умер прямо во время очередного шторма. Всем было до боли жаль потерять нашего маленького любимца.

Шторм разогнал корабли друг от друга, и в течение нескольких дней мы плыли одни. Вечером 19 мая наступило восхитительное затишье, на воде было легкое волнение, истощенные морские птицы отдыхали на поверхности моря, и ни одно облако не скрывало лучи заходящего на западе солнца. Примерно на расстоянии семи миль от нас мы смогли различить мачты нашего старого компаньона – винтового парохода «Энкаунтер». Мы посадили офицеров в шлюпку, и они, менее чем за два часа, добрались до его борта, чтобы узнать новости. С тех пор, как мы расстались, судно видело только китобоев.

23 мая нас настиг парусный фрегат «Президент» с контр-адмиралом Брюсом. Капитан Стерлинг (Capt. P. Stirling) поднялся на борт, чтобы переговорить с главнокомандующим, и получил приказ выдвигаться на место сбора – 20 миль юго-восточнее Авачи. Офицеры с парусного фрегата «Президент» любезно передали нам подшивку газеты «Таймс», которую мы надлежащим образом оценили. Мы увидели парусный фрегат «Альсест» и взяли его на буксир. Плывая на место встречи, мы видели много китовых фонтанчиков, плывущих по течению на юго-восток. Погода была хорошей и холодной.

27 мая 1855 года, в воскресенье утром, мы смогли наконец-то различить самую южную оконечность Камчатки. Мыс Лопатка протяженностью 17 миль простирался с запада на север <...>. По мере того, как мы приближались к берегу, перед нами появлялась скалистая голая местность: горные массивы с соединяющимися хребтами тянулись по направлению к полуострову. Вечно одетые в снежные зимние наряды, вершины горы не ведали, что такое лето. Некоторые из выступающих вершин или скал, открытые солнечным лучам, оставались темными и голыми, представляя резкий контраст с ослепительной белизной. Линия побережья была резкой и обрывистой. Мы видели пещеры, вымытые волнами, резкий шепот которых мы могли слышать на значительном расстоянии. Это места обитания морской коровы и выдры. Выше, в расщелинах, морские птицы свили гнезда и выращивали потомство. На этих широтах ясный спокойный день обычно сменялся густым туманом; и 28 мая мы оказались в густом и практически осязаемом тумане, таком же влажном, как шотландский туман. На следующий день он рассеялся из-за свежего бриза, и мы обнаружили себя в нескольких милях от маяка Авачи. В пределах видимости мы не увидели ни одного корабля эскадры и, подумав, что они вошли в Авачинскую губу, мы прошли через узкие ворота и поплыли по бухте; офицеры и экипаж были на своих местах на корме и готовы к действию. Но не было видно ни одного корабля – ни английского, ни французского, ни российского. Было совершенно очевидно, что русская эскадра не теряла время – разбила лед и покинула порт; в связи с этим мы вернулись на установленное место встречи ждать прибытия отсутствующих кораблей.

Постепенное появление местности на берегу Авачинской бухты для любого человека являло потрясающе красивое зрелище: природа в ее величайших и поражающих воображение формах:

горы, чьи вершины возвышаются над облаками; голая местность с выступающими вершинами; скалы, которые тщетно противостоят могущественным силам морям, о чем свидетельствовали белые буруны, накатывающие на мили вперед по мелководью и постепенно размывающие существующие впечатляющие выступы. Вход в бухту глубокий и составляет примерно две мили в глубину. Справа выступающий мыс с установленным на нем маяком; от него пологие земляные склоны простираются до бухты Раковой – небольшой бухточки в Авачинской губе. Левая сторона входа – низкая и покрыта лесами; небольшие березы и низкорослые хвойные кустарники усеивает снег, и поскольку на них нет листьев, деревья производят впечатление иссохших, а их ветки отягощены снегом. Ворота в бухту расположены на $52^{\circ}51'$ с. ш. и $158^{\circ}48'$ в. д. к северо-западу, а длина составляет 4 мили: по всей поверхности сидят дикие птицы. Три выдающихся скалы стоят в бухте отдельно справа и слева – маленький скалистый островок с развалинами дома. Авачинская бухта – это окружность длиной примерно 25 миль, восхитительное водное полотно. Окруженная землей и защищенная – ее окружает горная гряда: 3 высокие вершины, на возвышении от 9 000 до 11 000 футов над уровнем моря, которые со своей огромной высотой и размером нависают над бухтой, хотя на самом деле они стоят прямо на расстоянии 50 миль и создают прекрасный вид для поселения. Один из этих вулканов называется «Козельский» (вероятно, Авачинский. – *Пер.*) – он извергался во время нашего присутствия и выбрасывал сильные густые облака дыма; другие, хотя и не извергались, тоже, вероятнее всего, являются вулканами. Город Петропавловск стоит в защищенной долине, на расстоянии 7 миль от маяка.

На расстоянии город производит впечатление заброшенного: не было видно ни одного живого существа, за исключением голодных собак, которые жалобно выли; даже на поверхности воды не было ряби, до тех пор, пока спокойные волны не накатывали на берег. Воздух был спокойным, прохладным и неподвижным. Очертания гор на расстоянии были четко видны на фоне безоблачного неба. Солнце, садясь, бросало прощальные лучи на склоны сопки, раскрашивая их различными яркими оттенками, от ослепительно-белого до отшлифованного золота; а само небо было окрашено палитрой мягких оттенков, от бледно-голубого до глубокого золотистого: это тот момент заката, которые художники любят изображать на своих картинах; ушедшие в тень долины становились темнее и темнее, пока постепенно не поднялся густой туман, который клубился на вершинах сопки и был окрашен в нежные тона до тех пор, пока солнце окончательно не закатилось. Именно таким был первый закат, который мы увидели с Авачинской бухты.

Я видел такое один раз, когда мы отплывали от мыса Фарвель (Cape Farewell) в Гренландии, где вершины скал, высокие и резкие, и слишком крутые, чтобы на них лег снег, возвышались черной громадой над заснеженной землей, а огромные айсберги, как тонны застывшего серебра, отражали лучи солнца своими вершинами и боками на глубокую синюю воду: айсберги покоились на воде, и бока были словно отполированное стекло, с бледно-голубыми венами, которые разбегались во все стороны – солнце, садясь, освещало небеса изменяющимися и насыщенными оттенками, пока короткие ночи тех широт не разрывались северным сиянием – вечно колышущимся и непостижимо прекрасным.

Шесть кораблей появились утром 31 мая, подойти к берегу им мешали постоянные туманы. Это были парусный фрегат «Президент» (50 пушек) под флагом контр-адмирала Брюса, парусный фрегат «Пик» (40 пушек) (H. M. S. *Pique*), корвет «Дайдо» (18 пушек), винтовой пароход «Бриск» (6 пушек), парусный фрегат «Альсест» (50 пушек), винтовой пароход «Энкаунтер» (14 пушек), которые вместе с фрегатом «Барракуда» (6 пушек) сформировали сильную мощную эскадру. Американское судно-склад «Нил» (the Nile) сопровождало эскадру в бухту. Корабли заняли свои позиции напротив города и батареи Петропавловска; последняя, судя по старому плану, была укреплена и выросла по численности со времени боя в 1854 году. Город был хорошо защищен природой и артиллерией.

1 июня адмирал и капитаны эскадры поднялись на наш борт, и мы поплыли в гавань Петропавловска. Она сформирована выступом, который тянется на север и юг, параллельно земле на востоке, и отделяет и укрывает ее со стороны бухты. Гавань разделена на внутреннюю и внешнюю гавани песчаной косой, выступающей от основной части земли в северо-западном направлении: когда капитан Кларк посетил это место, на этой косе был построен город (или острог). Перешеек между гаванями очень узкий; мы нашли хорошее место для якорной стоянки, глубиной от 6 до 18 фатомов. В гавань и бухту впадали многочисленные ручейки. На низком флагштоке, близко к срубам (деревянному дому), развевался американский флаг; три человека прохаживались рядом – единственные обитатели города на тот момент; мы отправили за ними лодку, и они, не теряя времени, прибыли на

борт. «Я полагаю, вы довольно-таки опоздали, адмирал», – сказал один из наших визитеров, продвигаясь к юту. Это были торговцы из США, которые проживали в Петропавловске, и говорящий был владельцем магазина. Он сообщил нам, что ближе к концу марта русские получили приказ как можно скорее покинуть это место на кораблях, которые зимовали там. Как предполагал император, Авачинскую бухту так просто не забудут и ей окажут честь 14 военных кораблей. Вплоть до времени получения приказа из Санкт-Петербурга они были очень заняты укреплением батарей и подлаживанием их под встречу корабельных пушек. Без сомнения, наш информант знал о местоположении кораблей; он сказал, что, по всей видимости, они в Анадыре что было маловероятно по нашему мнению. Мы и не думали, что он ответит предательством доверия на доброту, и я не считал, что мы просили его об этом. Прежде чем мы покинули порт один из этих людей добровольно заявил, что русские ушли к устью реки Амур. Торговцы в самых теплых тонах говорили о доброте русских жителей, подтверждая лишь то, что мы и так знали от полярных мореплавателей, которые имели случай посетить порт Петропавловск.

Город частично лежал в долине, открытый по направлению к гавани, а частично на холмах, восточнее гавани; он был укрыт сопками и горами практически от всех ветров, за исключением южного и юго-западного: он состоял примерно из 200 домов, включая церковь, казармы, больницу и судоремонтные склады. Административные здания были крыты железом и покрашены в красный; они были построены из бревен, уложенных горизонтально, грубых снаружи и гладких изнутри – щели были забиты мхом, дома были сухие и теплые; у некоторых домов по всей длине здания были портики, поднятые над землей на несколько футов.

Казармы были большие и просторные, но очень грязные и производили впечатление, будто полы не мылись с тех пор, как их постелили. Под каждой кроватью было место для хранения одежды, обуви и топоров – каждого солдата снабжали им.

Принимая в расчет свалившуюся работу и поспешный отъезд из порта, по состоянию барачников можно было мало что сказать о дисциплине в гарнизоне.

Губернаторский дом был просторным и комфортным, имел большую, хорошо обставленную детскую комнату с кроватями, что производило хорошее впечатление об этой большой семье; по количеству учебников на немецком, французском и английском языках, разбросанных тут и там, а также по хорошо сохранившейся учебной комнате можно было прийти к выводу, что губернатор и его любезная супруга не жалели никаких сил на образование своих детей. На подставках в одной из комнат были расставлены экзотические растения из Китая и Индии, несколько китайских ваз были умышленно разбиты.

К дому примыкал маленький садик для выращивания овощей, но земля была замерзшей до значительной глубины, и не было видно никаких признаков овощей, несмотря на то, что было 1 июня. В одном конце сада была колонна, возведенная в память Беринга, знаменитого мореплавателя.

Греческая православная церковь, которая находилась рядом с губернаторским домом, была из дерева, опрятная, с куполами и греческим крестом. Внутреннее убранство было очень простым, украшенным красивым алтарем, расположенным на возвышении, в нескольких ступеньках от пола; полукруглые ограждения отделяли его от остальной части церкви. Две резные колонны, богато позолоченные, поддерживали арку в задней части алтаря, и позолоченное «сияние» украшало его в центре.

Иконы святых на стенах, пол, выкрашенный в желтые и черные квадратики; отсутствие сидячих мест завершали убранство этого божьего места. Я тщетно искал иконы, подаренные Берингом. Адмирал поставил 4 часовых в разных частях церкви, и во время нашего пребывания она тщательно охранялась.

Часть города, населенная камчадалами, была хаотично выстроенной и очень грязной, дороги и переулки между ними были отсыпаны землей и тоже очень грязными. Аборигены жили в двух типах жилищ. Юрты, зимние хижины, были продолговатые и утоплены в землю на глубину 5–6 футов; крыша, сплетенная из ивовых прутьев, поддерживаемая шестами, была покрыта землей и соломой. Хижина на расстоянии напоминала насыпь земли, а квадратная дыра в центре крыши служила в качестве трубы, двери или окна. Сбоку на уровне земли было расположено другое отверстие, которое, как мне сказали, использовалось женщинами, чтобы попадать в жилище, и я никак не мог понять, почему его не могут использовать и мужчины. Низкая скамейка окольцовывала хижину с внутренней стороны, и ее использовали и в качестве сидений, и в качестве места для сна. Очаг занимал одну сторону жилища, земляной пол был твердым и сухим. Балаган, или летняя хижина, сооружается на шестах на высоте примерно 8 футов от земли, балки крепко привязываются к этим шестам, а конусообразная хижина сооружается на них, крыша покрывается осокой и ветками кустарника.

Дверь в каждом конце сообщается с внутренней частью помещения, в которое можно попасть по ступенькам, прорубленным в деревянной балке. Рыба и другие съестные припасы для хранения на зиму держатся подвешенными в нижней части балагана и постоянно обдуваются потоками воздуха.

Больница и здание школы – сухие, опрятные и чистые – были расположены очень удачно.

Внутреннее убранство русских домов приспособлено для смягчения сурового климата: большая печка, построенная из кирпича, расположена на кухне и граничит со стеной основной комнаты и таким образом прогревает основные помещения дома.

Во многих домах, в которые я входил, я видел иллюстрации из газеты «Иллюстрэйтед ньюз» (Illustrated News), наклеенные на видные места, и среди них я узнал известное лицо Альберта Смита.

Сломанные санки, ободы и бочки были разбросаны везде. Снег таял, обнажая трупы собак, некогда преданных и полезных: многих из этих бедных животных оставили умирать от голода, а другие бродили от дома к дому, жалобно подвывая; из жалости мы взяли троих на наш борт, другие фрегаты поступили так же, а несколько собак плыли рядом с нами и их подняли на борт полумертвыми от голода.

Камчатские собаки немного больше, чем шотландские овчарки, шире в груди, с сильными конечностями, маленькими и стоячими ушами и волчьими глазами: я видел несколько собак с белыми кругами вокруг радужной оболочки. У них длинная грубая шерсть, которая по цвету варьируется от светлого серовато-коричневого до темно коричневого, хвост пушистый и закрученный. Лай у них специфический и не поддающийся описанию. Только самцы используются для упряжи, сук держат для потомства. Они очень выносливые и способны вытерпеть большие лишения, зачастую более двух дней без еды, при совершении путешествия длиной в сотни миль; зимой они плохо питаются, в основном потрохами рыбы и кишками животных, а летом им позволяется бродить среди сопки и самим добывать себе пищу. Из того, что я видел, я не могу сказать, что это умные животные, которые делают большое различие между рукой, которая кормит их, и рукой, которая наказывает.

Они не перенесли перемену холодного климата Камчатки на теплый климат Китая и испытывали сильные мучения; повышение температуры вынуждало их часто и тяжело дышать, они облезли, шерсть постепенно выпадала, они отказывались от еды, чахли и умирали.

Я говорю только о своем личном опыте: многие животные постепенно адаптируются к климату, в который они попадают по стечению обстоятельств, но не в случае этих трудолюбивых животных.

Тихоокеанская эскадра не изменилась с того дня, как пересекла 180-й меридиан, так что пока мы – Восточно-индийская эскадра наслаждались оставшейся частью воскресного дня, тихоокеанский дивизион трудился в поте лица, заготавливая дрова и воду на корабль.

3 июня вечером 3 вооруженных корабля покинули якорную стоянку у Петропавловска под командованием капитана Стерлинга и лейтенанта Т. Коллинвуда (Т. Н. Collingwood) и направились к гавани Раковой в поисках судна, которое адмирал обнаружил днем. Глубина бухты Раковой 3 мили, а ширина на входе в нее 1 миля; она смотрит на юго-восток, а затем постепенно сменяет направление на восток и завершается небольшой гаванью.

Из гавани вид на побережье меняется: от практически лишенной растительности поверхности она переходит в пологий берег, защищенный холмами, спускающимися к долинам, густо проросшими кустарниками, можжевельником и низкорослой березой. Рядом с пунктом назначения, в гавани, выступая над водой, росла березовая роща, и за ней, частично на берегу, частично в воде, плавала барка. Экипаж одной из лодок был отправлен к роще на колесном судне с 24 гаубицами, которое держалось на небольшом расстоянии впереди, а оставшаяся часть команды поднялась на борт обнаруженного судна. Мы поняли, что это судно «Аян» (Ayan), прекрасное новое китобойное судно, построенное в 1852 году в Або, Финляндия. Видно было, что его бросили недавно; мы могли предположить это из того факта, что вода в паровом котле была все еще теплой. Оно было хорошо снаряжено для китобойного судна и имело механизм для парового двигателя. Все паруса были сняты, так что было очень сложно сдвинуть его на глубину; однако все члены работали с большим энтузиазмом, и спустя несколько часов тяжелой работы оно поплыло и было буксировано лодками к Петропавловску на расстояние мили или около того. Были проведены поиски парусов и других корабельных снастей, но все было тщетно. Каюты были снаряжены для приема жены и семьи губернатора, и мы с сожалением узнали, что эта дама все еще находится в сельской местности с очень плохим самочувствием. Согласно нашим сведениям, она планировала сесть на корабль через несколько дней после нашего приезда, и я совершенно уверен, что английским и французским офицерам было очень неловко стать помехой ее плаванию: ведь несмотря на то, что война жесткая штука, в целом она не мешает проявить доброту или внимание к прекрасному полу.

4 числа адмирал, капитаны и французские офицеры прибыли на борт «Барракуды», чтобы совершить прогулку по гавани Тареинской (harbour of Turinskoï). Французский флаг плыл рядом с «Юнион Джеком» старой Англии, и побратимские отношения были на повестке дня: мы вместе курили и пили до дна за продолжительность союза; французы говорили по-английски, а те, кто не пытался делать этого ранее, с остановками произносили французские фразы или комплименты. Гавань практически было не разглядеть из бухты – она была укрытой, берег был покрыт лесом, находилась она на расстоянии 12 миль в юго-восточном направлении и была отделена от моря узким перешейком земли, она была 3 мили в ширину, глубокой и свободной от скал. Трое офицеров покоились на возвышенности напротив небольшого островка, здесь также захоронены останки адмирала Прайса, его могила отмечена крестом. Когда-то на берегу этой бухты были две деревеньки, а сейчас не было видно и следа от домов. Снег быстро исчезал с низменностей, и на каждом пятачке земли, где снег уже растаял, а солнечные лучи обогревали, появились зеленые ростки; березы выбросили почки, и некоторые французские офицеры срывали веточки с берез, которые укрывали могилу британского адмирала.

Каждый вечер ответственные за рыбную ловлю покидали корабль, чтобы поставить сети; они были очень удачливы, особенно члены экипажа корвета «Дайдо» и фрегата «Барракуда». Сельдь входила в бухту в огромных количествах, а лосось искал потоки пресных вод. Мерланг, камбала, лосось и сельдь ловились в изобилии; сельдь заходила во внутреннюю гавань – она была большой, средний размер составлял 14 дюймов в длину, 2 дюйма в ширину и 4 дюйма в толщину. Лосось различался по весу от 25 до 48 фунтов, а один лосось, пойманный командой корвета «Дайдо», весил даже 76 фунтов. Мы не видели никого из коренных жителей, хотя это было обычное время для заготовки рыбы на зиму, и это было их основным средством к существованию. Если бы только они знали, что мы не проявим себя как абсолютные варвары, они могли бы приплывать в бухту и удовлетворять свои потребности в рыбе в полной безопасности. Адмирал прознал, что маленькая деревенька в Аваче была жилой, и запретил приближаться к ней любым суднам, чтобы их появление не спугнуло местных жителей.

7 июня батареи были разрушены до основания, а главные склады сожжены; батареи были укреплены и увеличились в количестве с момента пребывания наших союзников в 1854 году. 8 оборонительных сооружений защищали подходы к городу; одно из них находилось на возвышении на выступе и имело большой радиус обзора – это было укрепление Шахова (ShakofT fortification, 3-я батарея. – *Пер.*), и оно было незавершенным; извилистый коридор вел из него в склад, утопленный сбоку в холме. Углубление в центре выдающейся части включало в себя земляное укрепление, которое называлось узким проходом к батарее, с амбразурами для шести пушек; с тыла этой батареи в маленькой лошине, спускающейся к гавани, есть металлическая колонна, поставленная в честь Лаперуза, французского мореплавателя. Пройдя узкий проход и следуя линии пеленга, возвышенность становится отвесной, бока и вершина густо покрыты кустарником, и постепенно спускается к низине, в которой находится дорога, ведущая от кромки воды к городу. Этот подход был защищен двумя батареями на возвышенности, которые просматривают сверху главную улицу и дом с недостроенными бойницами перед ним и окруженный недостроенным рвом с водой – это укрепление носило название Цитадель (Citadel). Другие земляные укрепления были построены через определенные промежутки, с командной позицией вдоль восточной стороны входа в гавань. Я тщательно рассматривал одно из них, которое называлось «Змея в траве» (the Snake in the Grass), находящееся у песчаной насыпи – 11 кораблей с лёгкостью могли быть расстреляны из нее; ограждение, сделанное из глины, связки из бревен, кустарника, покрытого дерном, было толщиной в 23 фута и высотой в 9 футов от платформы, постепенно опускаясь до 6 футов; амбразуры постепенно расширялись изнутри, а платформы для каждой пушки были сформированы из прочных досок, прикрепленных к поперечной поверхности железными болтами для того, чтобы предотвратить откат орудия; они расположены под наклоном к парапету. <...> Коридор вел к узкому тоннелю, выкопанному у подножия холма, с одной стороны которого была расположена квадратная камера, обшитая обгоревшей древесиной, в которой можно было хранить большое количество амуниции на краткий период времени; но коридор и тоннель были в воде по щиколотку, и камера, хотя и была на возвышении фута от уровня тоннеля, была очень влажной. Отчаянные русские хорошо подготовились, чтобы оказать нам теплый прием, хотя царь Николай принял другое решение.

На небольшой насыпи у подножия холма рядом с руинами склада боеприпасов есть два креста, оба деревянных. Один, греческий крест, был установлен над останками русских, которые пали в битве в сентябре 1854 года; другой, простой крест, указывает на временное пристанище тех доблестных французов и англичан, которые боролись и пали плечом к плечу, а теперь и в смерти

покоятся рядом. Несколько футов земли отделяет их от русских – более не врагов: здесь все покоятся в мире. <...>

На каждом кресте есть латунная табличка, указывающая дату битвы и количество погибших. Адмирал приказал поставить изгородь вокруг насыпи.

9 июня офицеры парусного фрегата «Альсест» развлекали офицеров эскадрильи на парадном завтраке на борту своего судна. Корабль был украшен флагами союзных сил, а часть юта была приспособлена под театральную сцену; некоторые члены экипажа представляли юмористические сценки с большим успехом, а затем последовали английские и французские песни. <...> Наши галантные хозяева встретили нас очень сердечно; еда была роскошной, учитывая место и расстояние от цивилизованной жизни, и ей справедливо воздали должное. Тосты и песни быстро следовали друг за другом: за королеву и королевскую семью, за императора и императрицу Франции, за союзников; и мы дружным хором пели «Отправляясь в Сирию» и «Боже, храни королеву». Корабль был чистым и везде наблюдался порядок, а место, предназначенное для лечения больных, было просторным и хорошо проветриваемым. Несколько членов экипажа страдали от цинги: на самом деле, среди французской части тихоокеанской эскадры было очень много случаев этого заболевания, что было приписано однообразной еде, отсутствию овощей и небольшого количества сока лайма. Я думаю, что свежее испеченный хлеб, тот, который давали французским морякам каждое утро, было нелегко переварить, что в конце концов стало плохо влиять на их здоровье. Хороший бисквит, который подавали морякам на британских военных парусных кораблях, был легким для пищеварения; он оставался мягким и сладким на протяжении значительного периода времени в любом климате, имел еще в качестве преимущества и то, что его легко было хранить. Моряки на британских военных парусных кораблях находились на соленой провизии не более 14 дней, без обильного пайка лаймового сока; и все время уксус, горчица и перец потреблялись в умеренных количествах: эти приправы хорошо известны как противочинготные средства. Я не слышал ни о едином случае заболевания цингой среди британской части эскадры во время длительного плавания в 1854 и 1855 гг.

Мы покинули фрегат «Альсест» вечером, проведя замечательный день. Не успели мы достичь своих плавучих домов, как стали свидетелями извержения Козельского вулкана (Авачинского. – *Пер.*) – плотные облака дыма вырывались из его кратера, но, учитывая, что мы видели его с огромного расстояния, ничего, кроме дыма, нам так и не удалось рассмотреть до самой ночи, когда небо над горой было слегка окрашено в красный цвет. На следующее утро поверхность воды вокруг нас была покрыта пеплом, и мы ощутили легкие толчки землетрясения.

Позже в этот день все чиновничьи здания были сожжены до основания – умышленно или случайно, я не знаю, но это вызвало большие сожаления, особенно, если это было сделано умышленно, без разрешения главнокомандующего, который, как я слышал, был весьма недоволен этим происшествием. Нельзя получить никаких почестей, сжигая покинутый город, к тому же в этом нет ничего героического. Было правильным и уместным уничтожить все фортификационные сооружения, которые могли быть использованы против нас, и совсем другое дело – разрушить до основания такое место, как Петропавловск, который так часто распространял свое щедрое гостеприимство на английские исследовательские корабли.

Когда капитан Кларк посетил этот порт в 1779 году, острог Петропавловский находился на песчаной отмели и включал не более 30 жителей, включая жилища коренного населения <...>; он очень тепло вспоминал ту доброту, с которой их принимали: «на этом краю света, находясь даже за пределами того, что мы считали варварскими и негостеприимными, что называется за пределами всякой цивилизации, замурованные во льду и покрытые снегом даже летом, в несчастном и жалком порту, намного хуже наших самых убогих рыбацких деревушек, мы встретились с человечностью, величием ума и возвышенным духом, которые сделали бы честь любому народу или климату».

Когда капитан Кокрейн (Captain Cochrane) прибыл в Петропавловск в 1821 году, он «обнаружил 42 жилища, помимо 15 больших зданий, принадлежащих правительству, старую церковь и фундамент новой». Он также говорил о гостеприимстве, с которым его принимали не только русские чиновники, но и простые камчадалы в каждой части полуострова, которую он посетил. В 1855 году мы были удивлены, обнаружив 200 зданий. Включая жилища коренных жителей, превращающийся постепенно в большой промышленный город, приспособленный под торговлю мехом – единственная выгода, которую русские получали от полуострова – и как порт – прибежище для китобойных судов, которые в большом количестве каждую весну прибывали из Америки для вылова рыбы в Охотском море. Древесина, из которой дома были построены, в большинстве своем была привезена из Сибири, но некоторая часть была доставлена с берегов реки Камчатки, несмотря на то, что транспортировка по реке была утомительной и трудной.

12 июня эскадра выдвинулась в море, но вернулась обратно, поскольку встретила парусный фрегат «Амфитрит» (H.M.S. Amphitrite), 25 пушек, и парусный фрегат «Юридайс» (H.I.M.S. Euridyce), 22 пушки, которые плыли по направлению к Авачинской бухте. На следующий день винтовой пароход «Энкаунтер» отплыл в Хакодате на острове Езо (Hakodadi in the island of Yezo) с донесениями для сэра Джеймса Стерлинга.

Снег быстро таял, и сразу же везде появлялись цветы, как только земля освобождалась от своего зимнего покрова. Сарана – лилия, чей клубень или луковица, как это принято называть в ботанике, очень полезна для коренного населения, дала рост стеблю и листьям; самый скромный цветок – фиалка выглядывает из своего зелёного укрытия; колокольчик и земляника украсили берега реки, – с юго-востока под теплыми солнечными лучами каждый день появлялись признаки возрождающейся жизни. Ближе к сельской местности мы обнаружили борщевик, из которого гонится хмельной напиток рака, и крапиву, чей молодой стебель и листья после варки становятся съедобными и используются в качестве противоязвотного средства, произрастает в обилии: когда она полностью вырастает, волокнистые стебли используются для плетения сетей рыбаками; ее срезают в августе, сушат и готовят примерно как кудель для веретена. Полезная береза дает силу листьям, и несмотря на малый рост, она вполне обеспечивает людям срочные нужды: из внешней коры изготавливают различную утварь, внутренняя часть коры используется в пищу, из ствола изготавливают сани, и ранней весной, когда протыкаешь ствол, из него сочится сладкий сок, которым наслаждаются коренные жители.

Здесь произрастает карликовый можжевельник и в огромном количестве растут различные съедобные ягоды: голубика, клюква. В изобилии растет дикий чеснок. Вяжущая кора ольхи используется при дублении кожи и как противомаларийное средство <...>.

Кедрач растет на склонах холмов, различаясь по высоте от 2 до 5 футов. Совершенно обычным делом является то, что по соседству живут орлы, соколы, ястребы, вороны и веселые зяблики. Я очень жалею, что у меня не было возможности сохранить некоторые виды и более точно определить особенности каждого из них. Дикие утки, чирки, топорки, ныряющие птицы, кулики-сороки и глупыши встречаются в бухте в огромных количествах. Кукушка, этот прекрасный предвестник весны, показался среди ветвей 8 июня; громкое чистое кукование звучало очень странно среди этой заснеженной земли, где, по правде говоря, не было весны, а было 4 месяца лета.

Снег начинает выпадать в октябре и не тает до конца июня.

С западной стороны земля открыта морю, между двумя мысами, упомянутыми выше, и имеет серповидную форму с многочисленными маленькими заливчиками и бухточками. Выступающий отвесный берег, на котором находится маяк, становится видимым в ясный день на расстоянии 7 миль – ясные дни, однако, бывают очень редко в летние месяцы. Бывало уже не раз, что корабль, увидев ворота во внутреннюю бухту, окутывается туманом так сильно, что не может добраться до берега и бывает вынужденным вернуться в море на 3 недели, прочь от влияния приливов, отливов и течений. Побережье очень опасное, и очень мало капитанов, которые готовы рискнуть и подойти к берегу, который они так плохо знают. <...>

Во время нашего пребывания в Петропавловске погода была умеренной: днем было ясно и тепло, поскольку лучи солнца мгновенно отражались от покрытой снегом поверхности, ночи были очень холодными, температура часто бывала ниже -20 градусов по Фаренгейту, преимущественно дули восточные ветры. Термометр часто показывал отметки от 38 градусов до 64 градусов по Фаренгейту; и однажды термометр поднялся до 112 градусов на солнце. <...>

4 июня мы отплыли из Петропавловска к острову Сахалин с фрегатом «Пик» (Pique). У нас был хороший ветер, когда мы плыли вдоль побережья в юго-восточном направлении и увидели мыс Лопатка вечером 15 числа. На следующий день в пределах видимости появилась первая группа Курильских островов; затем Парамушир, второй остров, очень гористый и покрытый снегом, широкий канал примерно 15–18 миль шириной отделяет его от Онекотана (Onne Rotan), третьего острова. Мы должны были проплыть через этот коридор, чтобы направиться на остров Сахалин, но жесткий бриз дул против течения, а ненастная погода помешала нам достичь его. Спустился густой туман, и наш штурман, основываясь на своих подсчетах, порекомендовал капитану Стерлингу пройти через него напару, что мы и сделали 19 июня и вырвались в открытое Охотское море.